

ТАТЬЯНА ПЛОСКОВА

О ТОМ, О СЁМ...

Когда-то, в бытность мою корреспондентом городской газеты провела я опрос прохожих на тему “О чём вы мечтаете?” Ответы не впечатлили: “о большой зарплате”, “квартиру хочу купить”, “а я женщину себе ищу”. Ни озорства в ответах, ни парадокса. Озабоченно и буднично. Никто не размышлял о сочинском пляже, а уж тем более не грезил съесть плод с дерева бессмертия. Результатами опроса и своими мыслями о нём я поделилась со знакомым и услышала в ответ отрезвляющее: “А чего мечтать о несбыточном?”

Это так, но если бы Циолковский не мечтал о межпланетных путешествиях, человечество так бы и не взглянуло на Землю глазами Бога. Содержание желаемого определяет масштаб личности.

И ещё о мечтах, детских. За семейными разговорами мой отец часто вспоминал послевоенное детство. Как-то обмолвился, что мальчишкой увидел в конторе печатную машинку, и она произвела на него впечатление. Потом сказал, что был заморожен игрой в бильярд в сельском клубе. Много позже в нашем доме появились и настольный бильярд, и печатная машинка – дорогие, не ширпотребные по советским меркам вещи. На машинке отец не стучал, шары гонял изредка, но эти приобретения стали реализацией его детских “хотелок”.

Все мечты – и самые невероятные, и скучно банальные – должны осуществиться, иначе человек не испытает полноту бытия.

* * *

Владимир Путин и Иосиф Сталин никогда не станут соперниками в борьбе за высший государственный пост, но если предположить их схватку, то как, интересно, будет исход? Респонденты социологических агентств, добрым словом поминающие отца народов, конечно, слышали и о репрессиях, и о всесоюзном круглосуточном контроле граждан на предмет лояльности к государству, но парадокс в том, что эти тяжёлые аргументы никак не умаляют популярности Сталина. Его уважают и за Победу, и за наведённую твёрдой рукой дисциплину, и за единственный на все случаи жизни китель, и, думаю, за то, что каждый “сверчок” страны знал свой шесток. Это сейчас ничего не представляющим позволено изображать всемогущих. При Сталине такой спектакль мгновенно снимали с постановки, и лицедеи понимали: их актёрство дешёво стоит.

Каждый знает себе цену и чувствует, кто перед ним, – принц или каретник – с первого взгляда, но не каждый крикнет: “А король-то голый!” – из равнодушия или в силу хорошего воспитания.

Кстати, о единственном кителе Сталина. Иметь обширный гардероб – мечта кокеток, а мужчина желает всемогущества. Зачем ему фрак с цилиндром, если в кармане его кителя лежит абсолютная власть?..

* * *

Однажды соседская собака увязалась за мной на прогулку по парку. Шли – она впереди, я – поодаль и повстречали спортсменов-бегунов. Дворянка вдруг проявила агрессию, подскочила к ним, вздыбив шерсть, лая. “Уберите свою собаку”, – попросили бегуны. Я ответила: “Собака не моя”, – что было чистой правдой. “Но она же идёт с вами”, – парировал один из спортсменов, заподозрив меня в дерзости и лжи. В голосе его звучала угроза, он решительно пошёл на меня, но резко остановился и повернул.

В результате этой встречи моё лицо могло бы стать синюшным, а нос кривым, но парня остановил закон. Равновесие общества держится не на всеобщем уважении, а на законе.

* * *

Те, кто могут обогатиться, засунув руку в государственный карман, зачастую так и поступают. Те, кто не могут, но озолотиться непременно желают, – покупают лотерейные билеты.

* * *

Человек, испытавший все радости жизни, хочет одного – чуда. Желая чудес, люди из тиража в тираж покупают лотерейки, горячо обсуждают газетные утки про инопланетян, молятся. Желание несбыточного делает человечество вечными детьми.

* * *

Для того чтобы перестать беспокоиться и начать жить, зачастую надо вычесть из своей жизни всё лишнее, а не носиться за прибавлением необходимого.

* * *

Коллега завела нового кота и дала ему кличку предыдущего. Нет, не потому что она ей очень нравится: коллега не смирилась со смертью любимого животного, в ней жила память о нём, и она хотела, чтобы его имя не потерялось, не унеслось течением времени.

По той же причине блаженная Ксения Петербургская облачилась в мужниные камзол, картуз, сапоги и назвалась Андреем Фёдоровичем.

* * *

Антидепрессантом в унылую декабрьскую монохромность стал бы букет из сорных полевых цветов – впитавших солнце лютиков, купальниц, разбавленных колосками мятлика и лисохвоста. Но зимой цветут лишь цветы благородные.

* * *

Как в советское время людей хоронили. К обеду подъезжала грузовая машина, шофёр откидывал борта. На пол кузова по периметру раскладывали ветки дерева мёртвых – пихты. К кабине ставили памятник и венки, в центр

кузова – гроб, рядом – табуретки для неутешной вдовы и детей. Грузовик, не торопясь, трогался, в унисон с ним плёлся оркестр, игравший печального Шопена, далее плелись родственники, соседи и прочие провожающие. И так до кладбища. Услышав скребущие душу звуки, горожане выходили узнать, кого хоронят, бывало, присоединялись к скорбящим.

А нынче смерть, как позор: тихонько засунут покойника в автобус, зато повезут на четвёртой передаче. Eins, zwei, drei – закопано.

Живём суетно, торопливо, умираем незаметно.

* * *

Говорят, в СССР национализма не было, все жили единой братской семьёй народов. Как же!

Мне 9 лет, третьеклассница. На перемене вышла в кулуар, а там на стене наглядное пособие с республиками страны Советов и национальными флагами.

Диалог одноклассников Лёшки и Сергея. Лёшка: “Я русский, мой флаг вот”, – показывает пальцем на флаг РСФСР. “И мой этот”, – вторит Сергей. “А этот, – Лёшка показывает на флаг Белорусской ССР, – у коми”. “Мой – вот”, – подношу палец к флагу “коми”. Лёшкино лицо выражает снисхождение: “Ну, ничё, ничё, ничё”...

Великороссы высмеивали языки невеликих народов и их культуру, рассказывали анекдоты про чукчей. Были коми, из стыда назвавшиеся русскими при получении паспортов. Сейчас общество оздоровилось, коми людей никто не называет презрительно комяками, хотя неуважение по национальному признаку, конечно, сохранилось и всплывает.

* * *

Наш дом сдали на заселение в 1970 году. Новоселья в большинстве справляли семьи рабочих-строителей, но квартиры получали и советские дворяне. В числе прочих в четырёхкомнатную квартиру в первом подъезде въехала семья военного Г. Жена – продавец, что в годы нормы отпуска продуктов в одни руки считалось не работой, а счастьем, и их двое сыновей. Семейство было обеспеченное и даже держало в гараже близ дома “шестёрку” цвета безоблачного неба.

Старший сын Г. Серёга смотрел на нас, детей пролетариев, свысока, якшаться не желал, ходил гоголем, а когда потомство штукатуров и электриков носилось по гаражным крышам, выражал неудовольствие.

На старте восьмидесятых Серёга обзавёлся цветомузыкой. Мы возвращались вечером с катка и во все глаза глядели на окно его комнаты, разноцветно сияющее, и была открыта форточка, и из неё громыхал рождённый бюргерами “Чингисхан”. Как же я хотела иметь свой магнитофон и особенно цветомузыку! Как же я хотела!

Первый магнитофон был куплен с первых зарплат спустя шесть лет, цветомузыка – позже. Помню, как радовалась ей, как лежала на полу комнаты, с восторгом глядя на пляшущие по потолку цветочные пятна.

Цветомузыка стала обыденностью задолго до моего прощания с молодостью и уж четверть века собирает в кладовке пыль. Родители Серёги оставили ему квартиру, перебравшись в тёплые края. В последние годы он работал слесарем жилищно-коммунального хозяйства, ходил неопрятный, в спецовке, но даже в ней оставался чванлив.

* * *

Сейчас все, кому не лень, занимаются творчеством – пляшут, пишут, поют, рисуют, поголовно фотографируют. Интернет заполонён продуктами народного творчества: все хотят славы, все жаждут бессмертия. Нет желающих заботиться о нуждах низкой жизни: мыть за кем-то пол и стирать бельё. Золотой век! И вот он, момент истины: а кому всё это нужно?! Что из этого множества преодолеет своё время и останется вне всех времён?

Я встречала многих. Талантливых — никогда. Способных — достаточно, но они не интересны, они не раздвигают границ, в них нет парадокса, в который упираешься, как в запертые ворота, желая непременно войти, чтобы узнать: а что же за ними?

Хочется общения с гениями, потому что ближе всего к Богу стоят не священнослужители, а эти исключения из правил. Их мысли и творения ввергают в ступор неизъяснимой нездешностью. Гении подводят к двери, за которой тайна мироздания, но даже у них нет от неё ключа.

* * *

Старость подкрадывается медленным остыванием чувств, потерей интереса: казалось бы, давеча дни напролёт слушала музыку, и вот — в доме, как в зимнем лесу, тишина. Или вдруг раздражаешься невинным щебетанием шагающих мимо студенток. Недавние увлечения больше не бережат душу, к лицу насмерть прилипло выражение недовольства. Вот так, подобравшись в мягких домашних чунях, старость однажды выйдет из-за угла и, взяв под ручку, скажет: “Доброго дня. Дальше тебе идти со мной”. Она держит в руке пачку счетов, требуя погашения долгов, грозя расплатой: не заболела о здоровье — распишись в получении диабета и гипертонии, была неласкова с собственными детьми — вот тебе их нелюбовь, а за недоброжелательность получи в собеседники телевизор.

* * *

Эксперимент по теории вероятности: равновеликие шарики падают из воронки в вертикально расположенные под ней трубки. Шарики вольны занять любую трубку, но непостижимым образом большинство их стремится в трубки средние и лишь некоторые — в крайние. И так во всём. В каждом классе несколько отличников и двоечников, но много хорошистов и троечников. В обществе шизофреники и просто странные люди — подшипники с кубиками вместо шариков — встречаются, познакомиться же с краснокнижным умом шансы невелики, зато масса людей-штамповок, ничем не замечательных, интересующихся ценой колбасы и поглощённых собственным нездоровьем. Мир создан для широких масс, но без крайностей он был бы безвкусен, как сваренный без специй суп.

* * *

Сергей И. читает Фроста на языке автора, слушает Бернстайна и Венский филармонический оркестр, бьётся со смартфоном за шахматную корону, не произносит бранных слов, остроумно и к месту шутит, проявляет сострадание к ближнему и имеет тонкий вкус.

А жена Сергея И. — словно вывезенная из деревни баба, из которой никогда не вывезут деревню. Лишённая природой кокетства, изыщества, каприза и шарма, она ничего не слышала о Фросте, с удовольствием перебирает сплетни, носит траурные мешковатые одежды, толста и предплечья её покрыты чёрной шерстью. Она всегда возьмёт своё криком и напористостью и опасается, что мужа уведёт какая-нибудь стерва. Со стороны кажется, будто это она сделала Сергею И. предложение, но нет — брак заключён в рамках вековых традиций. Сергей И. горячо любит жену и всякие там Монро (привет тонкому вкусу!) ему ни к чему.

Эта сумма двух неравенств, союз Сеньки с шапкой, которая совсем не по нему, вернее, Сергеева любовь, долгое время оставался для меня неразрешимой загадкой, но теперь я, кажется, подобралась к её разгадке. Ответы на вопросы, связанные с психологией человека, находятся внутри этого человека, а не вне него: Сергей И., имея потребность любить, любит так, как способен, как дано только ему, не замечая недостатков любимой, и окажись на месте его жены другая счастливица — аппетитная красавица или невкусная дурнушка, — он любил бы её точно так же.

* * *

Исторический центр Петербурга – эlegantный сановный аристократ, его сиятельство. Знающий себе цену и имеющий достоинство, этот город, где каждый кирпич весит тонну истории, глядится в зеркала своих рек и каналов, не вопрошая, как неуверенная девица: “Я ль на свете всех милее?” Чего вопрошать очевидное?

Он дитя кружевного барокко, принял все архитектурные стили, кроме убогих современных конструктивизма и функционализма. Ему вообще чужда современность, потому что она ему не к лицу. Одетый в парчовый камзол и треуголку с плюмажем, обутый в туфли с пряжками, он равнодушно холоден к крестьянским лаптям, купеческим сапогам, матросским бескозыркам и солдатским шинелям. Nur Rasse! Nur Glanz! Он откроет вам душу и все свои тайны, если вы волшебным ластиком сотрёте с его першпектив-биссектрис не нужные ему кроссоверы, разметку и светофоры, а также людей в широченных пуховиках и высоких вязаных шапочках-колпаках.

Он открылся мне, несмотря на ту самую вязаную шапочку, потому что я раздобыла такой ластик и вымарала всё лишнее, оставив от современности лишь себя. Я пролезла в кротовую нору, найдя в ней вход в декабре 2014-го в маленьком северном городке, и через полтора дня, в 1962-м, вышла в Песках, оттуда по Кирочной к Свято-Преображенскому храму в квартиру № 28 дома Мурузи. Подъём на второй этаж по широкой парадной лестнице. Звону – не открывают. Хозяин, видимо, вышел за “Шипкой”, и парадная ещё хранит его запах, и лестница помнит его шаги. Не дождавшись, выхожу на Пестеля, поднимаю голову на маленький балкончик. Так вот же он! На балконе, руки в брюки, стоит рыжий парень, так похожий на мужчину, который фотографирует его на фоне собора. Я молчу, я не мешаю.

А вечером он сядет за письменный стол в этих коммунальных полутора комнатах и, взяв перьевую ручку, напишет “Я обнял эти плечи и взглянул...”

В другой раз кротовая нора вывела меня к Синему мосту через Мойку. Обогнув трёхэтажный дом за номером 72, я нырнула в сквозной проём и оказалась во дворе-колодце, на котором стояли дровяные сараи и 1825-й год. В углу двора, из щели недозадвинутых портьер сочился янтарный свет свечей. Взглянув туда, я увидела собравшихся в комнате людей в эполетах и темноволосого молодого человека с глазами лани в атласном халате и с повязанным вокруг шеи кушаком. Он надсадно кашлял и что-то с чувством говорил, наперёд зная, что скоро Его Величество, милосердствуя, повяжет ему на шею совсем другой кушак.

А через несколько дней произошло следующее. Прогуливаясь по Сенатской площади вокруг Петра, я неожиданно услышала восторженное: “Это было здесь! Батюшки! Это было здесь!!!” Оглянулась. Мужчина средних лет. Он так удивил и обрадовал меня, что я без сожаления отдала ему свой ластик.

* * *

Для понимания российского народа не надо отправляться в длительное путешествие по отечественной глубинке. Пусть гора идёт к Магомеду. Поезжайте в Москву, куда в поисках хорошего заработка, как осы на варенье, роём слетаются провинциалы. Вы, подобно им, соглашайтесь на какую-нибудь не требующую глубоких извилин работёнку в предложившей её компании “Рога и копыта”, которая за четверть будущего жалования обеспечит вас проездным в подземку, кровом в съёмной двушке на 15 персон и через 5 дней экспресс-учёбы выпустит на должность кассира в супер-супер-супермаркете или повара в скворешне-харчевне, снабдив фанерной санитарной книжкой и не требуя трудовой.

Вот там-то, в этой скворешне, торгующей блинами, вы и прочувствуете всю простоту души русского народа. Заполонившие лучший город земли, где всё создано для великанов и, кажется, не имеет конца, жители бедной Калуги, как прежде голодного Поволжья и даже замкадного Подмосковья, встретят вас с равнодушной враждебностью. Понаехавшие в столицу отягощенными кредитами и прозорливым потомством, бесправные, одинокие в круглосуточно шевелящемся людском муравейнике, загнанные, смертельно уставшие,

хронически недосыпающие и притесняемые таким же начальством из грязи, народные массы всея Руси ведут себя, как собранные в бочку крысы: с нескрываемой агрессией жрут поедом ближнего, даже если ближний исполнен благородных манер.

И через 12 часов вербального non stop фехтования с парочкой простаков из Нижних Брошенок вам захочется навеки поселиться в глухой тайге. Набравшись в гущу жизни обширного опыта и глубоких знаний, пройдя отрезвляющую школу злословия, вы, наконец, поймёте, что народ прост только в одном — ему не нужна сложность.

* * *

То, что Славик Е. станет авиатором, было ясно сразу. С молодых ногтей Славик носил не ушанку, а кожаный шлемофон, на школьный дневник он приклеил вырезанный из журнала силуэт “Тушки”, дополнив его надписью “Аэрофлот — надёжный флот”, и на переменах рассказывал, как в выходные поднимался в небо на вертолёт. Славик Е. был сыном вертолётчика и братом вертолётчика. Учился он на “хорошо” и “отлично”, но проявлял амбициозность, бывало, со спесью и злостью задирали товарищей, но, поднимаясь по школьным ступеням из класса в класс, переменялся в серьёзного надёжного парня, такого же, как Андрей Т., его первый друг, учившийся бок о бок. Естественно, что по окончании десятилетки Славик поступил в авиационное училище.

А спустя несколько лет встреченный на улице одноклассник рассказал мне о Славкиной гнильце. Мол, в переломные девьяностые Андрей и Славик, летавший на Ми-8, решили заняться бизнесом, а именно возить в вертолётном брюхе минские холодильники, купив за рубль, продать за три. Скинулись и ещё заняли денег у знакомого, вернее, одолжил казначейские билеты Славик, сказавший другу, дескать, отдавать придётся с процентами. А потом Андрей встретил этого кредитора, и тот открыл, что в долг дал, но без маржи.

Потом Славик женился. Ну, нашёл своё счастье и что? Но ребята поговаривали, мол, не по-божески как-то: со дня смерти Славкиного отца сорока дней не минуло, а он праздник устроил. Пошептались, дальше зажили, и тут в Сыктывкаре некрасиво погиб Славкин брат, тот самый вертолётчик. И полетели по городу, как пичуги с ветки на ветку, разговорчики: ить неспроста это, проклятие на семье. И опять всё стихло, да через два года, в 1997-м, Славик полетел за американской валютой в Центральную Африку. Борт выполнял задание в условиях плохой видимости, ударившись об гору, рухнул, сгорел. Славика хоронили в небольшой квадратной коробке. Я была на его могиле. Лежит в ряд экипаж, отец и два сына, все на одно лицо, все в лётных мундирах.

И рядом сестра этих братьев — старшая, их пережившая. Она тоже умерла не своей смертью: где-то в начале нулевых автомобиль, в котором она находилась, потерпел аварию.

* * *

Куколка превращается в бабочку, девочка — в бабушку. Или в старую ведьму. Когда какая-нибудь едкая злобная старуха насмерть держит оборону проходной в студенческом общежитии или себе на радость подкладывает соседям свинью, я задумываюсь: что же с ней сделало время? Молодой, поди, была весела и хохотала — рот до ушей, и влюблялась по уши. Что же теперь брызжет ядом ненависти...

А не любится ей больше. Сначала климакс поставил крест на телесных радостях, потом муж надел деревянный бушлат, живут своей жизнью дети, с ними внуки. Да если бы и были рядом, детей любишь не так, как мужчину. Она одна, нелюбимая и не любящая. Ну, не доживать же ей свой век с дырой в душе, и место девичьей страсти, горячей, безрассудной, занимает ненависть, столь же сильная, как ушедшая любовь.

* * *

Иван М. переехал с семьёй из Галиции в железнодорожный посёлок во времена советского освоения Севера, как многие из его земляков, в ту пору оставившие родные хутора и бросившиеся за северными доплатами на окраины России. Поселившись у чёрта на куличках, сварщик Иван М. стал бригадиром в дочерней железной дороге структуре, а его жена Дарья – продавцом продовольственной лавки. Имелись у четы две дочери. Бригадир в медвежьем углу, где нет ни поселкового главы, ни милиционера, – сам себе Бог и царь. Иван М. жил, как у Христа за пазухой: работа – не бей лежачего, охота, рыбалка, грибы, а оперный театр и так не нужен.

Мужиком он был хозяйственным, всё у него тикало, как часы, всё хранилось под замком. И не пил, чего не скажешь о прочих поселенцах. Сборная солянка из лишних, ненужных людей (государство вспоминало о посёлке только в день выборов) от тоски, безнадёги и одиночества спивалась, вступала в беспорядочные половые связи, за что поселение справедливо имело прозвище Санта-Барбара, но, если быть до конца справедливой, таких Санта-Барбар – на каждом шагу, и не бросаются они в глаза лишь из-за низкой плотности населения. Иван М. в прелюбодеяниях не участвовал, Иван М. спивал поселковых. Имея, как истинный представитель своего народа, житейскую хватку, змеиную хитрость и любовь к деньгам, он стал возить из города полные сумки зелья, произведённого в гаражном ЛВЗ.

Пойло продавали из квартиры, бизнес процветал, участковый не беспокоил. Выручку конвертировали в доллары, складывали на счёт в городском банке, копили на вершину мечтаний простого человека – квартиру плюс машину. В связи с этим жили экономно: Дарья всё лето носила единственный сарафан, Иван – одну сорочку в клетку. На городском рынке продавали грибы-ягоды, словом, старались, грезили скорым исполнением желаний, и вот...

Приехал в Санта-Барбару сын Ивана М. – добрый молодец лицом в отца, в тельняшке, в голубом берете. Дембель, стало быть. Пронёсся слух, мол, сын у Ивана М. – произведение от сочетания с первой женой, – прибыл погостить. Гостит, значит, этот десантник, на отцовом мотоцикле по округе катается, и вдруг, как гром среди безоблачного неба: любовь у него с Ивановой старшенькой, и не братская. Новость обсуждали на всех кухнях: надо же, инцест, инцест! Скучные постановки местной труппы и... на тебе – Большой театр. А следом шушукались, дескать, старшая дочь не Иванова, прижила её Дарья ещё до него, поэтому никакого кровосмешения, всё согласно нормам морали.

А Иван М., морально парализованный, лежал в лёжку, не ел, не пил и, когда встал, собрал вещи сына и отправил его к родной матери.

И стало всё, как было, однако осенью старшенькая Ивана М. поехала в город учиться на повара, а вскоре поселковые принесли весть – видели её там, но не одну, вместе с опальным изгнанником. Вот так за один год потерял Иван и сына, и дочь.

* * *

Говорят, приведи варвара в картинную галерею, он безошибочно укажет перстом на шедевр. А почему? Для опознания шедевра не нужен диплом искусствоведа, шедевр обладает колоссальной, неизъяснимой энергией, и в ней его божественность, в ней непостижимость. Ну что, скажите, особенного в лексике Шекспира, не на одном ли с ним языке говорили все подданные Её Величества? “Слова, слова, слова” те же, а сумма их зарядов рождает мощь, равную распаду атомного ядра.

Самая энергетически мощная живопись – петроглифы, самая трогательная – наивный детский рисунок.